

Немецкие колонисты — советские (российские) немцы: парадоксы отечественной истории¹

Аннотация: в статье, приуроченной к 250-й годовщине со дня подписания императрицей Екатериной II Манифестов от 4 декабря 1762 г. и 22 июля 1763 г. (о позволении иностранцам селиться в России и о свободном возвращении русских людей, бежавших за границу), рассмотрен процесс реализации их положений на практике; показаны особенности колонизации Поволжья и Новороссийского края в правление Екатерины II, Павла I и Александра I, а также в последующее время; освещены парадоксы в истории немцев в связи с советским государственным строительством; показаны ход и последствия их принудительного переселения в советский период.

Ключевые слова: история, Российская империя, Екатерина II, миграционная политика, переселение, колонизация, автономия, немцы, депортация, патриотизм.

Божиею милостию Мы, Екатерина Вторая, Императрица и самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая.

По вступлении Нашем на Всероссийский Императорский Престол главным правилом Мы себе постановили, чтоб навсегда иметь Наше Матернее попечение и труд о тишине и благоденствии всей Нам вверенной от Бога пространной Империи и о умножении в оной обитателей. А как Нам многие иностранные, равным образом и отлучившиеся из России Наши подданные, бьют челом, чтоб Мы им позволили в Империи Нашей поселиться: то Мы Всемилостивейше сим объявлением, что ... благосклонно с Нашею обыкновенною Императорскою милостию на поселение в Россию приемлем и на торжественнейшим образом утверждаем, что всем приходящим к поселению в Россию Наша Монаршая милость и благоволение оказывана будет... Где и же и в которых местах упомянутым выходящим в Нашей пространной Империи селитца, и в прочем все, что до распоряжения к тому принадлежит, о том мы Нашему Сенату, благопристойное определение учиня, публиковать повелели.

Дан в Москве, декабря «4» дня 1762 году.

Подлинной подписан собственною Ея Императорского Величества рукою тако: Екатерина²

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (координатор: академик А. П. Деревянко). Направление 2: Советская модернизация и ее влияние на российское общество (координаторы: член-корр. РАН Е. И. Пивовар, д-р ист. наук Ю. А. Петров).

² Цит. по: Немцы-колонисты в Век Екатерины: Сб. док. Российского Государственного архива древних актов по истории организации немецких колоний в Поволжье / Сост. Е. Е. Лыкова, М. И. Осекина. М., 2004. С. 10–11.

Екатерина II с первых дней воцарения на русском престоле (1762) занялась разработкой стратегических направлений внутренней политики. Среди важнейших оказались демографическая проблема (настоятельная необходимость увеличения численности населения на обширных безлюдных пространствах империи) и введение в хозяйственный оборот миллионов десятилетиями веками не обрабатывавшихся земель. Беспредельные степные пространства на юге и юго-востоке империи, не окаймленные государственными границами, не были эффективны с точки зрения экономики, служили плацдармом для нападений кочевников (калмыков, башкир, киргиз-кайсаков) на русские и малороссийские селения. Они грабили и жгли деревни, уводили женщин, мужчин, детей для продажи на невольничьих рынках Турции и Хивы. К XVIII в. Россия имела богатый опыт противостояния таким набегам. С XVI в. русские князья проводили политику военной и земледельческой колонизации этих беспокойных территорий посредством переселения великороссов и малороссов. Такой курс проводился, пока русское и украинское крестьянство оставалось свободным сословием. К началу XVIII в. большая его часть оказалась в крепостной зависимости, утратила свободу передвижения: русский источник колонизации иссяк³.

Определяя свой курс колонизации, Екатерина II прибегла к международному опыту: в Рос-

³ Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России в начале XVIII в. (По неизданным архивным документам). М., 1909. С. 28.

сию по дипломатическим каналам проникла популяционистская теория привлечения трудовых ресурсов из других государств. Дипломаты рассказывали об эффективном использовании гугенотов, покинувших Францию и создавших в Голландии и Англии промышленные предприятия; успехом увенчалась колонизационная политика Пруссии, Австрии и Дании, понесших людские потери в результате эпидемий и войн и восполнивших недостаток трудовых ресурсов за счет иммигрантов. Проекты освоения пустынных территорий России императрице предлагали де Лафон, А. Шелиг и др. Ознакомившись с мнением генерал-прокурора Сената А. И. Глебова, канцлера М. И. Воронцова, сенаторов А. Б. Бутурлина, Н. Корфа, А. Жеребцова, она повелела составить соответствующий проект.

14 Октября 1762 г. был подписан именной указ Правительствующему сенату «О разрешении иностранцам селиться на пустых землях в России», а 4 декабря 1762 г. — Манифест. Лаконичная форма этого Манифеста не давала представления об условиях переселения, и 22 июля 1763 г. был подписан «Манифест императрицы Екатерины II о дозволении всем иностранным, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах». Его напечатали на латинском, немецком, французском и польском языках в газетах, издававшихся в Голландии, вольных городах Германии, в Дании, Англии, Шотландии, Ирландии. Манифест произвел сильное впечатление на европейскую общественность. Германские княжества находились в состоянии стагнации: в 1759 г. (в ходе Семилетней войны 1756–1763 гг.) прусскую армию (Фридриха II) разбили русско-австрийские войска; экономические структуры рухнули, по дорогам бродили тысячи обездоленных крестьян, ремесленников, солдат. Сенатор А. Б. Бутурлин писал: «По прошедшей войне в немецкой земле многие ремесленные люди разорились, отстав [утратив] своих домов, а наипаче по мелким городам, где войско проходило, без настоящего пристанища находятся. А другие и на местах так обедняли, что принуждены пропитания, прибежища и покровительства искать в ближайших городех»⁴.

Манифест русской императрицы сулил люмпенам Европы выход из нищеты. По прибытию в Россию иностранцы могли выбрать место для поселения на свободных землях (колониями) по собственному желанию и заняться хлебопашеством или ремеслами. Им безвозмездно выде-

лялись: земельный надел в 30 десятин в вечное потомственное владение, на 30 лет освобожденный от «всяких налогов и тягостей»; финансовая дотация на строительство дома, обзаведение хозяйством с возвращением ссуды через 10 лет; самоуправление с юрисдикцией, принятой на земле исхода, невмешательство во внутренние дела колонии местных властей; освобождение от воинской повинности (что особенно важно было для выходцев из Германии, где господствовали крепостнические порядки и курфюрсты тысячами продавали молодых мужчин для пополнения зарубежных армий).

Екатерина II проявила исключительную заботу об иммигрантах, которые займутся в России промышленным производством: «Ежели ж кто из иностранных капиталистов собственным своим иждивением заведет в России фабрики, мануфактуры и заводы, таковому позволяем покупать надлежащее число к тем мануфактурам, фабрикам и заводам крепостных людей и крестьян»⁵. Как и для всей правящей верхушки Российской империи, для нее крепостное состояние миллионов крестьян было привычным, узаконенным; ради колонизации «пустынных территорий» императрица жертвовала интересами православных верноподданных.

Манифест гарантировал иммигрантам свободу вероисповедания. В России на протяжении столетий культивировалась верность догматам православия («греческой» веры) при стойком недоверии, даже враждебности к католицизму («латинской ереси») и протестантизму. Эта традиция вступила в противоречие уже с внешней политикой Петра I. Его курс на кардинальное преобразование страны предполагал внедрение в систему государственного управления достижений европейской цивилизации, сотрудничество со специалистами-иностранцами, необходимой предпосылкой для привлечения которых являлось признание свободы вероисповедания. Манифестом 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания» Петр I оповестил: в столице России, Москве, введено свободное отправление веры всех других, «с Нашею Церковию не согласных Христианских сект»; их последователям разрешено строить церкви и моленные дома. По дарованной «Нам от Всевышнего власти совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому Христианину на его ответственность печись о блаженстве души своей». Петр обещал «крепко смотреть», чтобы

⁴ Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917 / Сост. В. Ф. Дизендорф. М., 2006. С. 166–167.

⁵ Немцы-колонисты в Век Екатерины... С. 25.

иностранцы спокойно исповедовали свою веру: иноземец «противу всякого помешательства [будет] защищен»⁶.

Екатерина II взяла на вооружение политику Петра I. Она учитывала, что в странах Европы еще были живы воспоминания о пылающих кострах инквизиции, на которых сжигали протестантов, что преследование инаковерующих оставалось там важнейшим направлением государственной политики. Следует особо подчеркнуть: Екатерина, немка по этническому происхождению, евангелическая лютеранка до восшествия на русский престол, обещала свободу вероисповедания отнюдь не из сострадания к гонимым протестантам, а исходя из интересов экономического развития России. Манифест от 22 июля 1763 г. гарантировал иностранцам: «свободное отправление веры по их уставам и обрядам»; строительство церквей и колоколен, «имея потребное число при том Пасторов и прочих церковнослужителей, исключая одно построение монастырей...»⁷.

22 июля 1763 г. был подписан и «Указ императрицы Екатерины II Правительствующему Сенату об учреждении Канцелярии опекунства иностранных» во главе с президентом графом Г. Г. Орловым; утверждена «Инструкция императрицы Екатерины II Канцелярии опекунства иностранных о ее обязанностях по организации приема иностранных поселенцев в России». Канцелярия получила почти министерские полномочия. В инструкции подчеркивалось: на «пустыни остающиеся земли» приглашаются к поселению иностранные свободные народы». Екатерина повелела Канцелярии работать так, чтобы все иностранцы «при самом начале их в Россию прихода никакому изнурению или тягости подвергнуты не были, но каждой ... по желанию своему скорее определение и удовольствие получал, и тем протчия поощрены, а не отвращены были»⁸. Высоко оценивая организаторские способности Г. Г. Орлова, Екатерина установила и собственный контроль над Канцелярией: президенту предписывалось докладывать о ходе переселенческого дела непосредственно императрице, а в Сенат — направлять отчеты для сведения⁹.

Первые партии иностранцев были препровождены из Петербурга в Поволжье и расселены вблизи Саратова. Созданием условий для их хозяйственного обустройства занялись чиновники

Канцелярии опекунства. Переселенцев обеспечили необходимыми материалами и орудиями труда, чтобы с наступлением весны они могли приступить к посевным работам. В апреле 1764 г. коллежский ассессор И. Рейс представил рапорт о том, сколько приобретено для колонистов рабочего скота, инструментов, семян для посева; он же нанял для них 146 работников и 83 работницы «в услужение»¹⁰. Сразу же по прибытии переселенцы потребовали создать условия для проведения богослужений. Г. Г. Орлов докладывал Екатерине: иностранные «разных наций вольные люди» прибывают в Петербург; «уже отправлено в Саратов немалое число фамилий ... католического, лютеранского и калвинского христианских законов...»; в их колонии Орлов пригласил «католического пастора, лютеранского и калвинского законов пасторов... с жалованием каждому в год по 180 рублей...»¹¹; для строительства домов и разбивки сада священникам выделили крупные земельные наделы.

Канцелярия опекунства получила от казны 200 тыс. руб. на обустройство переселенцев хозяйством, но их оказалось недостаточно. 17 октября 1766 г. последовал именной указ императрицы Сенату о выделении Канцелярии дополнительных сумм из муниципальных средств 32 городов: Тулы, Ростова, Костромы, Тамбова, Ярославля и др. Екатерина приказала: «...во всех тех местах по требованиям Канцелярии, или ея комиссионеров выдавать тотчас, сколько, когда требовано будет, из всяких сборов, какие бы налицо ни случались, а сколько оттуда выдано будет, о том в то же время писать в Канцелярию опекунства иностранных...»¹².

Между тем в правящих кругах Германии и Австрии росло недовольство массовым выездом жителей. Чтобы остановить этот поток, там стали распространять слухи о том, что в России иммигрантов поселили в имениях татарских князей, что колонисты становятся жертвами набегов «диких орд кочевников». С такого рода сообщением выступила одна из газет в Кельне, и Екатерина в письме Вольтеру разоблачила инсинуации: «Так да будет же Вам известно, что моя прекрасная саратовская колония считает уже 29 000 жителей, и, назло Кельнской газете, вовсе не боится татарских, турецких и других набегов; ... в каждом кантоне [построены] церкви его исповедания ... там мирно обрабатывают поля и тридцать лет не будут платить никаких податей»¹³.

⁶ Немцы в истории России. Документы высших органов власти и военного командования. С. 17.

⁷ Немцы-колонисты в Век Екатерины ... С. 22.

⁸ Там же. С. 14–15.

⁹ Там же. С. 18.

¹⁰ Там же. С. 236–240.

¹¹ Там же. С. 72.

¹² Там же. С. 132–133.

¹³ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIV. Т. 28. М., 1994. С. 303.

В Саратовской губернии земли для выходцев из Германии были размежеваны, русские подрядчики возводили для колонистов сотни домов и хозяйственных построек, нанимая на работу крестьян из соседних деревень. Строительство не поспевало за притоком иностранцев, и приходилось отдельные семьи временно устраивать в землянках. В 1766 г. Канцелярия опекунства доносила в Сенат: «... немцев нахлынуло такое множество, что недостает рабочих людей, леса и других материалов для скорой постройки им домов»; Сенат в ответ осведомился, можно ли вместо деревянных домов делать мазанки¹⁴.

Сенаторов беспокоила не ограниченность материальных ресурсов и рабочих рук, а политические последствия иностранной, преимущественно немецкой, колонизации. Они понимали: привилегии немцам, в том числе безвозмездная выдача крупных земельных наделов, вызовут недовольство местного населения, ведь русские и малороссийские крестьяне еще не забыли, как в 1759 г. русская армия вместе с австрийцами разбила армию Фридриха II и привела Германию к катастрофе. Сенат рекомендовал Канцелярии опекунства: избегать «вредного наряда с уездов крестьян к работам: это может произвести в старых жителях крайнее негодование и ропот, разорить целые села и деревни и потому надобно исправляться наймом вольных работников»¹⁵. Опасаясь крестьянских волнений, Сенат приказал Канцелярии опекунства по каждому случаю недовольства сноситься с саратовским губернатором. Через несколько месяцев прием иностранцев в Россию в качестве колонистов был прекращен до времени, когда уже прибывшие не получают обустроенные хозяйства.

20 апреля 1782 г. Екатерина II подписала указ, упразднивший Канцелярию опекунства иностранных в С.-Петербурге и ее контору в Саратове. Управление колониями было передано Саратовской казенной палате, директору домоводства (экономии).

Павел I продолжил политику наибольшего благоприятствования по отношению к иностранным колонистам. Осведомленные о пронемецких пристрастиях императора, чиновники доложили ему, что после упразднения Канцелярии опекунства и ее конторы немецкие колонии в России остались без государственного попечения. 4 марта 1797 г. был издан именной указ «Об учреждении при Сенате особой Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства». Экспедиция создавалась для общего

наблюдения за государственной экономикой и «за прочным обзаведением иностранных, под покровительство Наше приходящих, ... а частью уже в разных местах Империи Нашей поселившихся»¹⁶.

В ответ на просьбу Евангелических братьев колонии Сарепты подтвердить полученные при Екатерине II привилегии Павел I 20 июня 1797 г. подписал Жалованную грамоту Сарептской колонии «Об утверждении прежних ее прав и преимуществ»: свободы в отправлении веры по традиционному уставу, учению и обрядам; неоспоримого права на вечное потомственное владение отведенными землями; права отправлять судопроизводство «по собственной юрисдикции». Император придал государственный статус правлению Евангелического братского общества, приравняв его к городским магистратам и освободив от подчинения местным гражданским и военным властям. По законам, принятым при Екатерине II, иностранцы получали статус верноподданных, т. е. после принесения присяги верности пользовались равными с другими сословиями империи правами. Павел впервые в истории России закрепил за немногочисленной этно-религиозной группой иностранцев право на гражданство Российской империи¹⁷. Оберегая автономию этой колонии, он запретил строить на ее землях харчевни, питейные дома¹⁸, казенные и партикулярные строения, селиться на них инаковерующим без согласия общины, освободил колонистов от воинской и гражданской службы. Жалованная грамота произвела ошеломляющее впечатление на современников: колонисты Сарепты получили исключительные привилегии, какими не пользовалась ни одна другая иностранная колония, ни одна этническая общность в России.

30 июня 1797 г. Павел подписал именной указ Сенату об учреждении в Саратове Конторы опекунства иностранных для «ближайшего и успешнейшего попечения и присмотра над всеми колониями иностранных в Саратовской губернии ... » и утвердил инструкцию этой конторе. В инструкции впервые оговаривался язык делопроизводства в немецких селениях. Немало недоразумений возникало из-за того, что колонисты русским языком не владели, а документы из С.-Петербурга направлялись в Контору опекунства на русском языке (при обязательном наличии в штате Кон-

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (далее ПСЗ). Т. XXIV. СПб., 1830. Ст. 17865. С. 508.

¹⁷ Немцы в истории России. Документы высших органов власти и военного командования. С. 67.

¹⁸ Российское законодательство неизменно запрещало строить питейные дома и трактиры в немецких и меннонитских колониях, оберегая колонистов от алкоголизма.

¹⁴ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIV. Т. 28. С. 28.

¹⁵ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIV. Т. 27. М., 1994. С. 28

торы чиновников, владевших немецким языком). Служащим Конторы предписывалось: «к вящему вразумлению иностранных поселян, что с них ни в какое время не требуется и не взыскивается ничего излишнего, но то самое, что по справедливости и указам Нашим принадлежит, должно писать на их диалекте все приказания от конторы посылаемые»¹⁹. Так государственным языком в колониях был признан не русский, а немецкий язык. В колонистских школах русский язык не изучали на протяжении всего последующего столетия.

Павел I проявил заботу и о других колониях Поволжья: Нижней Добринки, Усть-Кулалинки, Буйдакова Буерака, Верхней Добринки, Верхней Кулалинки и пр. 4 января 1798 г. им подписан указ Сенату «О нарезании поселенным в Саратов колони́стам недостающего количества земли». Чтобы на каждую ревизскую душу саратовским колони́стам дано было по 20 десятин, говорится в Указе, «повелеваем: недостающее по общему расчислению душ количество оной 63 954 десятины, при будущем ... межевании нарезать из казенных пустопорожных земель, кои с большею удобностию к колониям ... присоединены быть могут...». Более того, император повелел нарезать «из земель пустопорожных 6 331 десятину, дабы Экспедиция, сообразно воле Нашей, имела в готовности земли на тысячу семейств, на случай, [если новые выходцы из Германии] ... переселиться пожелают»²⁰. Подписывая указ, Павел I не имел представления о реальном положении дел в Саратовской губернии: почти все свободные земли на Волге были розданы колони́стам еще при Екатерине II. История с реализацией указа растянулась на многие десятилетия.

В конце XVIII в. истек срок льготных 30 лет, в течение которых колони́сты не платили налогов. В правительстве начали подсчитывать, сколько государственная казна потратила на колонизацию Поволжья и с какими результатами. В докладе 1809 г. отмечалось: земли для колони́стов Опекунским межеванием отведены, дополнительные потребности удовлетворены отводом новых земель; но колони́сты «под видом разных недостатков и трудностей, не смогли не только оплатить всю долговую сумму, не внесли даже малейшей ее части. В 1785 г. Екатерина II подписала рескрипт генерал-губернатору Потемкину: взыскать казенный долг с колони́стов «по отсмотрению их состояния... сколько они могут без отягощения своего...»²¹. 10 октября 1799 г. Павел I утвердил

предложение Сената: «состоящий на колони́стах долг обратить на восстановление собственного их хозяйства». Таким образом, «по отягощению своему» колони́сты в течение долгих лет были не в состоянии вернуть казне истраченные на них сумм, а правительство уделяло им исключительное внимание, чтобы не допустить разорения колони́стского хозяйства.

Последний законодательный акт Павла I по отношению к колони́стам — указ по колони́стам, поселившимся в Беловежской степи. Одна их партия прибыла в 1765–1766 гг. из окрестностей Франкфурта-на-Майне, другая — в 1768 г. из Данцига и Эльбинга²². Каждая семья получила по 30 десятин земли. Через два десятилетия, с увеличением численности населения, земли стало не хватать (на «душу» приходилось 4,5 десятины). По «не состоянию и бедности» колони́сты налогов не платили, хотя срок уплаты государственного долга миновал в 1769 г. Специальная комиссия рекомендовала прирезать колонии 4800 десятин (по 30 десятин на семью)²³, а Сенат предложил: поскольку в настоящее время у нее 2985 десятин, отвести ей расположенный поблизости хутор Чернечий (250 десятин) и казенную землю при селе Хвостовцы (50 десятин). Жившие в округе государственные крестьяне имели всего по 15 десятин. «Во уважение того, что колони́стам предполагается дать по 30 десятин на каждое семейство», Сенат решил «удовлетворить их преимущественно перед казенными крестьянами» и из хуторов Килчиновского и Смолового «свесть» тех «на другие места... для отвращения беспорядков и раздоров, от общего владения произойти могущих»²⁴.

Павел I в своей заботливости о нуждах колони́стов пошел еще дальше: «Начать тем, что намерить земли нужное количество, как в Немецкой земле водится; потом сию землю рассортировать на 3 рода, и тогда по их тамошнему обряду установить работу и образ подати точно так, как в их землях обычно»²⁵. Эта резолюция не имеет аналогов в российском законодательстве: колони́стам даровались дополнительные земельные участки за счет отчуждения у местных крестьян для введения новой агрономической культуры — севооборота (заметим, что в «Немецкой земле» крестьян ради данного агротехнического новшества с земли стогняли, и нищие толпами бродили по Германии). Севооборот уже внедрялся в Новороссии другими колони́стами, но при наличии крупных наделов

¹⁹ Немцы-колони́сты в Век Екатерины ... С. 154.

²⁰ Немцы в истории России. Документы высших органов власти и военного командования. С. 69.

²¹ Там же. С. 60.

²² Там же. С. 96.

²³ Там же. С. 97.

²⁴ Там же. С. 99.

²⁵ Там же. С. 100.

(60 и более десятин). Император решил узаконить в своей империи податную систему, аналогичную применявшейся в германских курфюршествах!

В правление Александра I преимущественное внимание уделялось колонизации Новороссийского края и иммигрантам из Германии. Министр внутренних дел В. П. Кочубей, озабоченный устройством прибывавшего в 1802 г. многочисленного переселенческого контингента, направил главному судье Новороссийской опекунской конторы С. Х. Контениусу предписание о принятии «всех возможных мер к лучшему водворению прибывающих колонистов и о доставлении сведений обо всем, что будет предприниматься по этому поводу». Министр требовал от Контениуса и Одесского военного губернатора Э. О. Ришелье, непосредственно занимавшихся устройством переселенцев, обстоятельных донесений о прибывавших партиях колонистов, о размещении их, о доставленных им пособиях, о том, «в чем они имели нужду или какие впредь нужды их удовлетворены быть должны; о домах для колонистов, сроках завершения строительства», «дабы судить можно было, не произошло ли и с сей стороны каковых упущений». Донесения о переселенцах направлялись непосредственно императору²⁶. Из Германии поступала одна партия переселенцев за другой, и 18 октября 1803 г. В. П. Кочубей направил С. Х. Контениусу новое предписание: «Государь император, продолжая заботиться, чтобы колонисты из Германии, отчасти уже в Одессу прибывшие и отчасти туда на зиму ожидаемые, не претерпели ни в чем недостатков»²⁷. В Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях земельные угодья нарезались для колонистов не только за счет казенных земель, но и посредством покупки частных имений.

Следует подчеркнуть, что в начале XIX в. миграционный поток в Россию не был поставлен на четко разработанную организационную основу. Как и при Екатерине, набор мигрантов осуществлялся по инициативе «вызывателей». В. П. Кочубей писал в феврале 1804 г.: вызов колонистов осуществляется на основании Манифеста 1763 г.; людей набирают без учета звания и состояния, от чего оказалось «много дурных хозяев и большею частию самых бедных, кои мало по сие время принесли Государству пользы. Саратовские и некоторые из Новороссийских колоний доказывают сию истину»²⁸.

²⁶ Письма герцога Армана Эммануила де Ришелье Самуилу Христиановичу Контениусу. 1803–1814 гг. / Сост., ред. О. В. Ковалова. Публикация Геттингенского исследовательского центра. № 478. Одесса. 1999. С. 206.

²⁷ Там же. С. 210.

²⁸ Немцы в истории России. Документы высших органов власти и военного командования. С. 144–147.

В докладе на имя Александра I Кочубей указал на противоречие в государственной политике: вследствие увеличения численности населения российских подданных расселять некуда, не то что иностранцев принимать. «Императрица Екатерина II решилась на вызов иностранцев, желая населять пустые степи. Но когда размножение во внутренних Губерниях народа и теснота могут требовать расселения собственных подданных, а земель удобных к водворению в полуденном краю [на юге империи] остается не так изобильно: то и должно уже искать менее заселения оных иностранцами, нежели водворения на них, разве ограниченного числа таковых пришельцев, кои бы в крестьянских упражнениях или в рукодельях примером служить могли. А потому, если угодно будет продолжать принятие из чужих краев людей, нужно ограничить оное на самой необходимости и единственно на хороших и достаточных хозяевах»²⁹. Министр предложил ряд ограничений по приему иностранцев с целью улучшения состава колонистов с точки зрения профессионализма и нравственности; составил кодекс правил, регламентировавших их водворение в Новороссийском крае начиная с 1804 г.

В. П. Кочубей выступил и с другой новацией. Он представил Александру I доклад «О позволении иностранным колонистам покупать земли в Новороссийских губерниях», оттолкнувшись от положений указа от 12 декабря 1801 г. (указом купечеству, мещанству, казенным и отпущенным на волю крестьянам России предоставлялось право приобретать землю без крестьян³⁰). 1 марта 1804 г. император согласился с этим предложением, что открыло широкие перспективы для формирования крупных земельных владений у колонистов.

Начавшаяся в Новороссийском крае скупка земельных владений помещиков без согласования с местным губернатором привела к конфликту. Меннониты, прибывшие из Пруссии, получили от правительства наделы на Молочных Водах, но на собственные средства и за счет ссуды из казны в 500 тысяч руб. решили купить имение «Волненка» помещика П. Е. Родзянки (в Екатеринославской губернии). В рескрипте на имя А. Г. Розенберга Александр I констатировал: меннониты отступили «от первоначальных предположений» по освоению дарованных им земель³¹. На земле Родзянки проживали 2000 крестьян, «коренных» чернопочваданых. Какие планы строили меннониты по отношению к ним (выселить, принять в свои хозяй-

²⁹ Там же. С. 144.

³⁰ Там же. С. 148.

³¹ Письма герцога Армана Эммануила де Ришелье... С. 244.

ства в качестве крепостных или слуг), в документе не сообщается, но известно, что император был во гневе. Рескриптом он поручил А. Г. Розенбергу (Херсонскому военному губернатору и управляющему по гражданской части в Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях) лично отправиться в колонии к меннонитам и объявить, что «правительство, принимая иностранных, имеет главною целью заселить пустопорожние земли в Новороссийском крае, что потому не может оно согласиться, дабы меннониты³² покупать могли земли с тем, чтобы крестьяне, на них живущие, переведены были на другие места; что люди сии равное право имеют на попечение о них; что потому не иначе меннониты приобретать могут земли как пустопорожние, не имея права владеть крестьянами; что таким образом правительство не полагает, отнюдь, дать им пособия на покупку имения подполковника Родзянки, ими испрашиваемого, ...и что, наконец, избрав сами... к поселению своему земли на Молочных Водах, должны ими быть довольны»³³. Подписанный Александром I и В. П. Кочубеем 20 декабря 1804 г. рескрипт о запрете меннонитам, прибывающим из прусских владений, покупки земли Родзянко и разъяснении запрета — уникальное свидетельство эволюции мировоззрения российских политических деятелей: если Екатерина II разрешила колонистам покупать крепостных — природных поданных, то Александр I жестко отверг попытку меннонитов самонадеянно, не согласуясь с Новороссийской конторой опекунства, решить судьбу 2000 малороссийских крестьян.

Поселение прибывавших из Германии партий переселенцев требовало существенных затрат. Этот вопрос министр внутренних дел В. П. Кочубей не раз поднимал в докладах императору. В марте 1804 г. он сообщил: на водворение иностранных выходцев, уже прибывших в Россию, понадобится 361 392 руб.; ассигнованных «по расписанию на нынешний год на прокормление и перевоз колонистов до места» 200 000 руб. недостаточно; Одесский военный губернатор А. Э. дю Плесси, герцог де Ришельё, требует немедленной присылки денег, так как с наступлением весны нужно будет приступить к покупке для колонистов скота, земледельческих орудий и к постройке домов. Министр просил ассигновать 100 000 рублей, «чтобы одна половина из оных отправлена была в Одессу, в распоряжение генерал-лейтенанта Дюка Ришельё, а другая в Екатери-

нослав, в ведомство Новороссийской опекунской Конторы»³⁴.

Льготные условия, на которых проводилась политика колонизации, неизменно привлекала внимание неимущих слоев жителей европейских стран. За 1803–1806 гг. в Новороссийский край прибыло 365 семей меннонитов. На землях у реки Молочной возникло 27 их колоний: Гальбштадт, Шенау, Орлов, Александртал и др. В первой половине XIX в. большая часть немецких и менонитских колоний встала на прочную экономическую основу, организовав хозяйства с применением новейшей агротехники и сельскохозяйственных машин.

Анализ законодательных актов Екатерины II, Павла I и Александра I позволяет сделать вывод о протекционистской политике в вопросе освоения земель. Патерналистские принципы, заложенные императрицей, неукоснительно проводились в жизнь: сумма поземельного налога неоднократно сокращалась (в 2–4 раза); возвращение ссуды, полученной иностранцами на обзаведение хозяйством, откладывалось на 10, 20, 30 лет; при исчерпании свободных земель площадь наделов колонистов увеличивалась за счет закупок у частных лиц на государственные средства; в колониях существовала система самоуправления, с большим тактом учитывались религиозные, этнические, культурные традиции колонистов; губернским административным органам запрещалось вмешиваться во внутренние дела немецких поселений. Такая политика государства при эффективной организации труда колонистов и их самоотдаче в период становления их хозяйства имела следствием освоение обширных безлюдных пространств.

К середине XIX в. экономика немецких колоний в Саратовской губернии и Новороссийском крае достигла высокого уровня. За 1838–1854 гг. в пользовании колонистов Южного края площадь казенных земель увеличилась с 1,35 млн. десятин до 1,53 млн. В Херсонской губернии в их руках было сосредоточено 154,3 тыс. десятин, в Таврической — 200 тыс. (по 60 десятин на семью)³⁵. В аренде у немцев находились сотни тысяч десятин частновладельческих наделов. Состоятельные колонисты возвращали ссуду, полученную при водворении: в 1854 г. долг южнорусских колоний государству сократился с 1,31 млн. рублей до 0,65 млн.³⁶

³⁴ Там же. С. 234–235.

³⁵ Чеботарева В. Г. Немецкие колонии Российской империи — «государства в государстве» // Этнографическое обозрение. 1997. № 1. С. 135.

³⁶ История и статистика колоний иностранных поселенцев в России. Историческое обозрение колоний в царствование императора Николая // ЖМГИ. 1855. Ч. 54. № 2. С. 87.

³² Меннониты — орфографическая норма XVIII в.

³³ Письма герцога Армана Эммануила де Ришельё... С. 244–245.

В 1860-х гг. Россия вступила в эпоху реформ. К тому времени в империи насчитывалось 549 немецких и менонитских колоний, в том числе: в Саратовской губернии — 58, Самарской — 131, Херсонской — 47, Екатеринославской — 53, в Таврической — 65³⁷. Динамично развивалось колонистское предпринимательство (аренда крупных земельных участков, экспорт за рубеж зерна, создание промышленных заведений полукустарного типа). Интенсивно расширялось немецкое землевладение после отмены крепостного права (1861): состоятельные колонисты скупали земли разорявшихся землевладельцев.

На том же этапе немецкие колонисты осваивали западные губернии России. Широкие возможности для скупки земель открылись после подавления восстания в Королевстве Польском (1863–1864): конфискованные имения его участников за полцены продавали немецким колонистам и другим предприимчивым деятелям. Если в 1840 г. в Киевской, Волынской и Подольской губерниях насчитывалось 14 немецких колоний, то через 30 лет, к 1871 г., — 221; в регионе были основаны сотни немецких поселений. В 1880-е гг. в Юго-Западном крае проживало более 103 тыс. немцев, площадь их земельных владений составляла около 600 тыс. десятин³⁸.

Экономическое процветание влияло на демографические процессы. Между 8–9-й ревизиями (1834–1850) численность населения неизменно увеличивалась по всей Российской империи. Но специалисты отмечали контрасты в демографических показателях двух сословий: колонистов (немцев и меннонитов) и государственных крестьян (русских и украинцев). По данным 1855 г. в колониях Южного края и Саратовской губернии ежегодный прирост на 1 тыс. населения составлял 28,5 душ, в Бессарабской обл. — 17,3; в губерниях Европейской части России среди государственных крестьян на 1 тыс. населения — в среднем 8,1 душ³⁹. На 1 тыс. государственных крестьян рождалось в год: в Самарской губернии — 12,7 душ, в Саратовской — 10,1, в Таврической — 9⁴⁰. Публикуя эти данные, «Журнал Министерства государственных имуществ» (ЖМГИ) почти в извинительном тоне заметил: «Это превосходство

колоний ... над прочими губерниям объясняется обилием земли и привольным вообще положением земледельца, и тем, что ни колонисты, ни население Бессарабии не ставят рекрутов натурою»⁴¹. За 1838–1854 гг. население колоний увеличилось: в Поволжье — с 121,0 тыс. до 175,2 тыс. человек, в Южном крае чел. с 147,2 тыс. до 220,3 тыс.⁴².

Подводя итоги колонизационной политики, инициированной Екатериной II, логично вспомнить концепцию В. О. Ключевского, оценившего приобретение Россией обширных территорий на юге и юго-востоке как важную историческую закономерность: в XVIII в. «Россия почти завершает давнее свое стремление стать в естественные этнографические и географические границы»⁴³. При Екатерине II государственная территория почти достигла естественных границ как на юге, так и на западе. Из земель, присоединенных на юге, было образовано три губернии (Таврическая, Херсонская и Екатеринославская) и Область Войска Черноморского. Эти земли и стали объектом колонизации, в их границах иммигрантами были основаны сотни колоний⁴⁴, внесших неоценимый вклад в развитие производительных сил страны. К концу XIX в. немецкие и меннонитские сообщества: освоили более 7 млн. десятин (около 11 млн. га) целинных земель; разработали местную агротехнику, внедрили новые отрасли аграрной специализации, чем содействовали становлению науки о селекции растений и животных в региональных условиях; положили начало индустриализации южных губерний, наладив выпуск сельскохозяйственной техники широкого профиля.

Высоко оценивая политику колонизации, нельзя не сказать об историческом фоне, на котором развертывался этот грандиозный процесс. Одновременно с заботливым решением социально-экономических проблем колоний в империи набирала силу тенденция закрепощения русских и малороссийских крестьян. Два стандарта в политике по отношению к крестьянам — иностранным и «природным подданным» представляли разительный контраст. В царствование Екатерины II прокатилась волна антиправительственных выступлений, вылившихся в пугачевский мятеж. Подавив его, императрица приняла законодательные меры по закабалению свободных крестьян. В результате сотни тысяч крестьян в Киевской, Черниговской,

³⁷ Клаус А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869. С. 109–111.

³⁸ Сергеев И. И. Мирное завоевание России немцами. Пг., 1917. С. 41.

³⁹ Сравнение числа государственных крестьян по 8 и 9 ревизиям в губерниях Европейской России // ЖМГИ. 1855. Ч. 54. № 1. С. 19.

⁴⁰ Там же. С. 20.

⁴¹ Там же. С. 19.

⁴² Там же.

⁴³ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Том V: Курс русской истории. М., 1989. С. 177.

⁴⁴ В процесс колонизации было вовлечено несколько тысяч русских крестьян из центральных губерний империи.

Харьковской, Курской и Воронежской губерниях стали собственностью помещиков.

О том, как выстраивались отношения населения колоний с местными жителями, поведал П. П. Вибе⁴⁵. Значительная часть немецких фермерских хозяйств находилась в пределах Сибирского казачьего войска (его земли непосредственно продолжали Уральскую и Оренбургскую линии). Наиболее удачно в хозяйственном отношении были расположены земли 2-го отдела, тянувшиеся с запада на восток от Петропавловска до Омска (вдоль Сибирской железной дороги) и от Омска на юго-восток, до поселка Урлютюнского (вдоль Иртыша). Они и оказались самыми привлекательными для немцев-колонистов, появление которых здесь относится к концу XIX в. В 1895 г. их было лишь пятеро, а в 1911 г. — уже более 8,5 тыс..

Интерес немцев к казачьим землям объяснялся рядом обстоятельств. Это были районы с хорошими для ведения сельского хозяйства природно-климатическими условиями и развитой инфраструктурой. Переселенческие участки лучших в сельскохозяйственном отношении Петропавловского, Кокчетавского и Омского уездов Акмолинской области являлись недоступными для немцев-колонистов, а земли сибирского казачества могли путем частной продажи перейти в руки «нежелательных собственников» (мнение Степного генерал-губернатора Е. О. Шмита, высказанное в период «антинемецкой истерии»)⁴⁶. Поселению немцев на этих землях способствовало покровительственное отношение со стороны Войскового хозяйственного правления. По словам генерал-губернатора Н. А. Сухомлинова, оно считало немцев «не только культурными хозяевами, от которых казаки могут перенять новые полезные навыки и способы ведения хозяйства, но и вполне законопослушным элементом, преданность которого России несомненна»⁴⁷. Немцы-колонисты охотно соглашались на аренду участков войсковых запасных земель, юртовых наделов, а также тех офицерских участков, которые планировалось передать в частную собственность и на которые имелись лишь временные свидетельства.

Селившиеся на землях Сибирского казачьего войска немцы были, как правило, выходцами из Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерний. По сведениям Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего вой-

ска, среди них было: лютеран — примерно 56 %, меннонитов — 22 %, баптистов — 5 %, представителей других конфессий — 17 %⁴⁸.

Наиболее распространенной формой поселения немцев на казачьих землях были хутора. Только на карте А. А. Папкова, опубликованной в газете «Объединение» в 1910 г., их обозначено около 70. Многие из этих хуторов впоследствии превратились в крупные населенные пункты: Солнцевку, Пучково, Петровку, Гофнунгсталь, Корнеевку, Николай-Поль, Александркрон (Миролюбовку), Александровку, Екатериновку, Шарпоповку, Гальбштадт, Чукреевку, Чунаевку и др.

По той же системе осуществлялось расселение немцев на территории Кубанского казачьего войска. В XVIII в. немцы Германии все больше проявляли внимание к России, у них возникало желание поселиться в ее южных регионах, отличавшихся возможностью более широкого применения своего труда. Однако длительное время ситуация здесь складывалась не в их пользу. Приведем в пример такой факт. Немецкая община, которую возглавлял в Саратовской губернии в 1857 г. старшина Филипп Марлинд, обратилась к наказному атаману Черноморского казачьего войска Г. И. Филиппсону с просьбой разрешить поселение у Ейска. В ответ на их просьбу Штаб войска правого крыла Кавказской линии в 1858 г. ответил: «Ни в коем случае нельзя, иначе потребуются постоянный гарнизон для обороны от горцев, если же упомянутая колония немцев пожелает, то могут числиться в г. Темрюке, когда это будет разрешено»⁴⁹.

По-иному, исключительно на дружественной основе, выстраивались отношения казаков с колонией Михаэльсфельд, одной из старейших на Юге России. Немцы обосновались в пос. Джигинское, приобретя в 1868 г. землю (4473 дес.) у казачьего землевладельца Михаила Бабыча. На конец XVIII в. в колонии насчитывалось 97 дворов и проживало наряду с немцами «собственно коренного населения» — 196 мужчин и 187 женщин, а иногороднего — 41 мужчина и 55 женщин; в школе обучались 32 учащихся⁵⁰. К 1890 г. численность населения колонии возросла до 600 человек. Интерес к колонии постоянно проявляли и станичные атаманы, и казаки станиц. Кое-кто из них брал в жены немок из Михаэльсфельда, что укрепляло и родственные, и межселенные связи. Колонисты налаживали со станицами торговлю. Важную роль играли совместные хозяйственные проекты. Так, дорога на участке Старо-

⁴⁵ Вибе П. П. Немецкая крестьянская колонизация Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Немцы России: эволюция исторического пути. 1762 г. – XX в. М., 2012. С. 232–234.

⁴⁶ Там же. С. 233.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Проценты подсчитаны авторами.

⁴⁹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2193. Л. 15.

⁵⁰ ГАКК. Ф. 665, оп. 1, д. 313, л. 4 – 5.

Титаровская – Благовещенская⁵¹ – Суворово-Черкесская – Витязевское поселение – Михаэльсфельд (312,5 верст) находилась в запущенном состоянии. Казаки окрестных станиц и немцы-колонисты решили совместно поддерживать дорогу «в надлежащем виде». Михаэльсфельдцы дорожили культурой своего народа, сохраняли традиции и обычаи, воспитывали на этой основе молодежь, одновременно поддерживая толерантные отношения с казачьим окружением⁵².

В колониях Поволжья революционные потрясения 1917 г. завершились установлением в регионе советской власти и созданием в октябре 1918 г. Автономной области немцев Поволжья. В советский период немецкие колонисты подверглись различным социальным экспериментам. Разрушение налаженных экономических связей, продразверстка, проводившаяся под давлением центра, засуха привели к параличу хозяйственной жизни в 1921–1922 гг.⁵³ Усиление тоталитаризма, персонифицированное в культе личности И. В. Сталина, проводившего национальную политику с опорой на принцип «видимого интернационализма», привело к крушению установившихся межэтнических отношений. Завершился этот процесс разделением народов на надежные и «неблагонадежные». К этой последней категории были отнесены многие представители народов, когда-то приглашенных на проживание в России. Немцы и поляки подверглись принудительному переселению: в середине 1930-х гг. первые эшелоны последовали от пограничных западных районов страны (45 тыс. человек). На практике их выселения были отработаны механизмы распоряжения освобожденными землями и личным имуществом граждан.

С началом Великой Отечественной войны положение усугубилось. Нацистская пропаганда утверждала, что немецкая общность в любом государстве остается опорой Рейха. Приказ А. Гитлера (июнь 1941 г.) гласил: «Принять срочные меры в целях учета лиц немецкой национальности в оккупированной части Советского Союза для последующего выдвигания из их числа на руководящую рабо-

ту»⁵⁴. В ответ указом от 22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР предписал военным ведомствам на территориях, «объявленных на военном положении, принимать решения о выселении лиц, признанных социально опасными». Под эту категорию подпали немцы: из Грузинской ССР переселили 23 580 человек, Азербайджанской ССР – 22 741, из Армянской ССР – 212 человек. 26 августа 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли совместное постановление «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей». 28 августа 1941 г. последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». 21 сентября 1941 г. ГКО постановил переселить «немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской АССР и Северо-Осетинской АССР»⁵⁵. 22 октября 1941 г. последовали указания переселить немцев из остальных регионов Северного Кавказа.

Выселение немцев продолжалось и после окончания войны. Постановлением НКВД СССР от 10 февраля 1945 г. с мая по декабрь из Молдавской ССР депортированы 668 человек⁵⁶. Распоряжениями СНК СССР были направлены на спецпоселение 208 462 человек. В 1948 г. МВД СССР взял на спецучет 159 906 немцев на Дальнем Востоке, в Сибири, на Урале, в Казахстане и других регионах. В 1940–1950-е гг. на поселениях вместе с детьми находились 1,23 млн. немцев⁵⁷.

По свидетельствам источников, повсеместно восприятие немцев местным населением было благожелательным вследствие их добросовестности, тесных межэтнических отношений, смешанных браков, бытового общения. В материалах Центра документации новейшей истории Краснодарского края за 1947 г. – справках, информационных заметках секретарей райкомов ВКП(б) о восстановлении и развитии сельского хозяйства в колхозах края – удалось обнаружить интересные факты, проливающие свет на данный вопрос. Из них следует, что в то время ощущалась острая потребность как в рабочей силе, так и в решении вопроса, как распределять оставшиеся необработанными земельные массивы в колхозах, где прежде проживали советские немцы.

Докладная записка секретаря Крыловского райкома РКП (б) Г. Симоняки на имя секретаря

⁵¹ Станица Благовещенская основана казаками-запорожцами (30 семей) в 1836 г., в праздник Благовещения. См.: *Васюткина Н. А.* Прошлое, настоящее и будущее ст. Благовещенской // Первые анапские студенческие историко-краеведческие научные чтения. Анапа, 2005. С. 16.

⁵² См.: *Бугай Н. Ф.* Старо-Титаровская: курень, куренное поселение, станица (1792 г. – начало XXI в.). М., 2009.

⁵³ *Вашкау Н. Э.* Республика немцев Поволжья в советско-германских отношениях 1920–1930-х гг. (на материалах архивов ФРГ) // Немцы России: эволюция исторического пути. 1762 г. – XX в. М., 2012. С. 288.

⁵⁴ *Чеботарева В. Г.* Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья. 1918–1941 гг. М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 1999. С. 412.

⁵⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 178. Л. 32–33.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. Оп. 58. Д. 182. Л. 17–24.

ря крайкома ВКП(б) В. Зинченко от 12 февраля 1947 г. показывает: о немцах помнили, хотя прошло уже шесть лет с момента их переселения с территории Краснодарского края (это произошло летом 1942 г.). Сообщая, что колхоз им. С. Орджоникидзе по причине принудительного выселения немцев в 1941 г. получил в свое ведение 1771 га земель бывшего колхоза им. К. Маркса, он отмечает как заслугу местных немцев-колхозников то, что эти поля всегда были ухоженными и аккуратно обработанными. С этой добавкой земельные площади в колхозе им. С. Орджоникидзе составили 3125 га, а трудоспособных вместе со стариками и подростками насчитывалось всего 195 человек (на одного трудоспособного приходилось 16 га). «Предполагавшееся заселение новыми колхозниками не состоялось, так как ход военного времени не позволял этого сделать». В качестве выхода из затруднений было предложено поставить вопрос перед правительством «о передаче этой земли в Госфонд»⁵⁸.

Такая же картина наблюдалась на Кубани и в Поволжье, где принудительное переселение немецкого населения разрушило хозяйственную жизнь и культурный уклад. Вследствие дефицита населения на опустевшие земли, в колхозы, на промышленные предприятия пришлось привлекать переселенцев. На территории бывшей автономии оставалось всего около 100 тыс. русского и другого населения. В «Справке о состоянии хозяйственного устройства переселенцев в Приволжских районах Саратовской области» указывалась потребность в 16 800 хозяйствах колхозников, а в 1944–1945 гг. удалось переселить лишь 4412 хозяйств⁵⁹. Для распределения имущественных ценностей республики СНК СССР 30 августа 1941 г. утвердил Инструкцию о порядке приемки имущества переселяемых колхозов и колхозников, а 3 сентября 1941 г. — план на 59 794 хозяйства колхозников. Из них в Саратовскую область переходили 44 744 хозяйства, в Сталинградскую — 15 050 хозяйств⁶⁰. К ноябрю 1941 г. из шести областей Украинской ССР, Курской и Орловской областей направлены 14 893 хозяйства; на конец мая 1942 г. было 40 868 немецких хозяйств. В 12 районах, присоединенных к Саратовской области, новые переселенцы заполнили 34 156 хозяйств⁶¹. Приживаемость в регионе была низкой. Всего в 1941–1945 гг. переселенцам удалось освоить 33 971 хозяйство.

Вместе с хозяйствами русских старожилов это составило 40 294 хозяйства, тогда как до депортации у немцев было 91 570 хозяйств. Процесс заполнения опустевших немецких колхозов растянулся на долгие годы: не помогали ни льготы, ни убеждения. Рост числа колхозников происходил в основном за счет внутриобластного переселения.

В 1954 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР огульные обвинения с советских немцев были сняты. Отмечалось, что «репрессии против немцев советских граждан были проявлением произвола в условиях культа личности Сталина. В действительности же немецкое население вместе со всем советским народом своим трудом способствовало победе Советского Союза над фашистской Германией»⁶². 8 декабря 1955 г. Президиум ЦК КПСС постановил снять «ограничения в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении», однако снятие таких ограничений не влекло за собой «возвращение им имущества, конфискованного при выселении» и получение «права возвращаться в места, откуда они были выселены»⁶³. Тем не менее, это был важный шаг в процессе реабилитации советских немцев. В 1955 г. снято с учета и освобождено из-под административного надзора 740 335 спецпоселенцев, среди них 695 216 советских немцев и членов семей, в том числе участников Великой Отечественной войны, награжденных орденами и медалями СССР⁶⁴.

Упразднение автономии, жестокость обращения, особенно с мужским населением в трудармии, ограничения в правовом положении в течение многих лет после победы сформировали у немцев комплекс обиды. Он был усугублен тем, что другие народы, выселенные в период войны со своих территорий, вновь обрели территориальные автономии. Не оправдал надежды и XX съезд КПСС (1956), осудивший депортацию ряда народов — и только немцы Поволжья и крымские татары в этой связи не упоминались. Предложения восстановить автономию игнорировались. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г. «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета ССР от 28 августа 1941 г. “О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья”» не решил проблемы. Признание им «огульных обвинений в отношении немецкого населения, проживавшего в районах Поволжья», неоснова-

⁵⁸ ЦДНИ КК. Ф. 1744-А. Оп. 3. Д. 864. Л. 17.

⁵⁹ Немцы: 250 лет в России. Т. 2. М., 2012. С. 297–298.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 393. Л. 1–5.

⁶¹ Там же. Л. 18.

⁶² Немцы: 250 лет в России. Т. 1. М., 2012. С. 325.

⁶³ Там же. С. 329.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 480. Л. 6–8.

тельными как проявление произвола в условиях культа личности Сталина⁶⁵ было сугубо юридической реабилитацией. В 1960-е гг. на территорию бывшей автономии вернулось лишь 12,9 тыс. немцев⁶⁶. С отменой в 1956 г. комен-

дантского надзора, с разрешением свободного перемещения по стране они начали обустриваться в Казахской ССР, республиках Средней Азии, в Сибири.

Итак, начиная с принятия манифестов Екатерины II о позволении иностранцам селиться в России (1762–1763) и до начала XXI в. немцы-колонисты — советские (российские) немцы прошли тернистый путь.

⁶⁵ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 52. Ст. 592.

⁶⁶ Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 12–121.

Список литературы:

1. Бугай Н. Ф. Старо-Титаровская: курень, куренное поселение, станица. (1792 г. – начало XXI в.). М., 2009.
2. Васютина Н. А. Прошлое, настоящее и будущее ст. Благовещенской // Первые анапские студенческие историко-краеведческие научные чтения. Анапа, 2005.
3. Вибе П. П. Немецкая крестьянская колонизация Сибири на рубеже XIX XX вв. // Немцы России: эволюция исторического пути. 1762 – XX в. М., 2012.
4. История и статистика колоний иностранных поселенцев в России. Историческое обозрение колоний в царствование императора Николая // Журнал Министерства государственных имуществ. 1855. Ч. 54. № 2.
5. Клаус А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб. 1869.
6. Немцы: 250 лет в России. Т. 1–2. М., 2012.
7. Немцы в России: эволюция исторического пути. 1762 г. – XX в. М., 2012.
8. Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России в начале XVIII в. (По неизданным архивным документам). М., 1909. С. 28.
9. Сергеев И. И. Мирное завоевание России немцами. Пг., 1917. С. 41.
10. Чеботарева В. Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья. 1918–1941 гг. М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 1999.

References (transliteration):

1. Bugay N.F. Staro-Titarovskaya: kuren', kurennoe poselenie, stanitsa. (1792 – nachalo XXI v.). M., 2009.
2. Vasyutina N.A. Proshloe, nastoyashchee i budushchee st. Blagoveshchenskoj // Pervye anapskie studencheskie istoriko-kraevedcheskie nauchnye chteniya. Anapa, 2005.
3. Vibe P.P. Nemetskaya krest'yanskaya kolonizatsiya Sibiri na rubezhe XIX XX vv. // Nemtsy Rossii: evolyutsiya istoricheskogo puti. 1762 – KhKh v. M., 2012.
4. Istoriya i statistika koloniy inostrannykh poselentsev v Rossii. Istoricheskoe obozrenie koloniy v tsarstvovanie imperatora Nikolaya // ZhMGI. 1855 ch. 54. № 2.
5. Klaus A. Nashi kolonii. Opyty i materialy po istorii i statistike inostrannoy kolonizatsii v Rossii. SPb. 1869.
6. Nemtsy v Rossii: evolyutsiya istoricheskogo puti. 1762 g. – KhKh v. M., 2012.
7. Pisarevskiy G. Iz istorii inostrannoy kolonizatsii v Rossii v nachale XVIII v. (Po neizdannym arkhivnym dokumentam). M., 1909. S. 28.
8. Sergeev I.I. Mirnoe zavoevanie Rossii nemtsami. Pg., 1917. S. 41.
9. Chebotareva V.G. Gosudarstvennaya natsional'naya politika v Respublike nemtsev Povolzh'ya. 1918–1941 gg. M.: Obshchestv. akad. nauk ros. nemtsev. 1999.